

Для цитирования: Пилиясов А. Н., Гальцева Н. В., Атаманова Е. А. Экономика арктических «островов» (на примере Ненецкого и Чукотского автономных округов) // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, вып. 1. — С. 114–125

doi 10.17059/2017-1-11

УДК 332.1

А. Н. Пилиясов^{а)}, Н. В. Гальцева^{б)}, Е. А. Атаманова^{в)}

^{а)} Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития России (Москва, Российская Федерация; e-mail: pelyasov@mail.ru)

^{б)} Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН (Магадан, Российская Федерация)

^{в)} Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: elataman@mail.ru)

ЭКОНОМИКА АРКТИЧЕСКИХ «ОСТРОВОВ» (на примере Ненецкого и Чукотского автономных округов)¹

Статья посвящена феномену экономики арктических «островов» — круглогодично транспортно недоступных территорий российской Арктики, которые обладают значительной спецификой по сравнению с регионами российской и северо-европейской Арктики. Экономика арктических «островов» рассматривается на примере Ненецкого и Чукотского автономных округов. Несмотря на значительное внешнее сходство в экономических и социальных параметрах, при более детальном рассмотрении два региона обнаруживают значительные внутренние различия. Для их выявления в сравнительном анализе используется теоретическое представление об арктической экономике как единстве трех секторов — традиционного, корпоративного (рыночного) и трансфертного (государственного). Каждый сектор имеет свои ключевые противоречия, структуры и свою траекторию эволюции. Корпоративный сектор экономики Ненецкого автономного округа существенно моложе, чем Чукотки, в силу того, что само нефтегазопромышленное освоение началось здесь сравнительно недавно. Относительно же давнее горнопромышленное освоение золота Чукотки позволяет отнести данный регион Арктики уже к старопромышленным. Уровень рентабельности добычи золота здесь существенно ниже, чем ненецкой нефти. Поэтому предложено отнести экономику Ненецкого автономного округа к рентной модели, а Чукотского автономного округа — к трансфертной. На различия трансфертного секторов двух округов воздействует не только разница в мощи региональных бюджетов, но и урбанистическая структура расселения — централизованная в Ненецком автономном округе и полицентричная на Чукотке. Это означает, что сфера здравоохранения, культуры в Ненецком автономном округе приурочена в основном к столице Нарьян-Мару, а объекты социальной сферы на Чукотке существенно децентрализованы и разнесены по окружному и районным центрам.

Ключевые слова: арктическая экономика, сектор экономики, традиционное хозяйствование, ландшафт, природный актив, пространство, устойчивое развитие, структура округа, рентная модель, трансфертная модель экономики

Введение

Арктическую экономику можно рассматривать как интересный случай региональной экономики экстремальных пространств, для которого характерны географическая удаленность экономической деятельности от основных рынков, изолированность, малые размеры местных рынков, сохраняющийся традиционный уклад коренных малочисленных народов Севера. Но недостаточно останавливаться просто на феномене экономической экстремальности, на чем было сосредоточено внимание исследователей в течение десятиле-

тий. Очень важны ее последствия, результаты наложения физико-географических факторов ландшафтов (ландшафтной структуры) и экономической географии хозяйственной и расселенческой деятельности (территориальной структуры хозяйства) на формирование очень специфических арктических экономических институтов. Их важнейшей особенностью является очень сильная вероятностность, неопределенность, которая в малой арктической экономике проявляется предельно бурно, например, в виде физического забрасывания целых поселков и даже городов, признаваемых мертвыми, внезапности прихода и ухода освоенческих волн колонизации.

Внутри очень специфичной по своей природе арктической экономики можно обособить

¹ © Пилиясов А. Н., Гальцева Н. В., Атаманова Е. А. Текст. 2017.

два резко контрастных случая — «островных» и «материковых» территорий. При этом речь идет не только об островах в строгом географическом понимании как о пространствах, со всех сторон окруженных морем или океаном. Речь идет об островах в экономическом понимании как об участках территории Арктики, не имеющих регулярного наземного сообщения с большой землей, с метрополией. Например, таким безусловным экономическим «островом» является штат Аляска, который имеет наземные связи с соседней Канадой, но лишен прямой сухопутной связи с «материковыми» США [1].

На арктических «островах» все экстремальные, предельные особенности арктической экономики проявляются мощнее и концентрированнее. Здесь действуют свои, усиленные формы экономической неопределенности, и потому вырабатываются свои особые институты борьбы с ними, целостная «островная» экономическая культура как набор таких специфичных институтов одоления неопределенностей (или конструктивного сосуществования с ними).

Наиболее удачным из всех арктических «островов» России представляется сопоставление европейского Ненецкого и азиатского Чукотского автономного округа (АО). Ненецкий АО (НАО) входит в состав Архангельской области, Чукотский АО (ЧАО), выйдя из состава Магаданской области в 1992 г., является единственным из четырех АО России, не входящим в состав другого субъекта РФ.

Оба арктических региона образованы с разницей в один год — ненецкий АО в 1929 г., Чукотский АО — в 1930 г. Экономика регионов изначально базировалась на традиционном природопользовании — рыболовстве, оленеводстве, которыми занималось аборигенное население, однако кардинальные изменения в социально-экономическом развитии произошли с началом промышленного освоения месторождений россыпного золота в Чукотском автономном округе в 1960-е гг. и нефти и газа в Ненецком автономном округе в 1990-е г., на 30 лет позже (в разных моделях освоения — советской плано-индустриальной и российской социально-рыночной).

Традиции сопоставления жителей Чукотки и ненецких тундр существовали давно: например, И. Крупник в своей книге «Арктическая этноэкология» [2] сопоставлял энергетический баланс чукотских и ненецких оленеводов 1920-х гг., используя данные похозяйственных книг и Приполярной переписи. Новизна

нашего подхода состоит в комплексном сопоставлении всей арктической экономики, а не только ее традиционного сектора и традиционного природопользования, что ранее рассматривали физико-географы и этнологи.

Общие черты двух арктических округов

Общее, что делает корректным сравнение этих двух арктических регионов (табл. 1), заключается в сходной численности населения (одни из самых малочисленных регионов в РФ), около 30 % которого составляют представители коренных малочисленных народов Севера (КМНС), крайне низкой плотности населения, неразвитости дорожной сети, доле работающих пенсионеров, которая почти вдвое превышает среднероссийский уровень, высоким уровне среднедушевых доходов населения, который обеспечивается северными коэффициентами и надбавками, но, однако, не дает большого преимущества по покупательной способности этих доходов ввиду повышенной стоимости жизни в Арктике. Для обоих округов характерен один из худших показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Здесь сопоставимый уровень урбанизации (65–66 %). Сопоставимое количество

Таблица 1

Общая характеристика Ненецкого и Чукотского автономных округов

Показатель (данные 2013 г.)	НАО	ЧАО
Доля КМНС в населении, %	27,6	34,7
Дорожное покрытие, км путей на 10000 км ² территории	1,2	1,0
Доля работающих пенсионеров, в процентах от их общей численности, средняя величина по группе мужчин и женщин, %	61,4 (34,1)*	62,5 (34,1)
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.	66276 (1)	52695 (4)
Величина прожиточного минимума, установленная в субъектах Российской Федерации за IV квартал 2013 г. (место в РФ)	15517 (1)	14766 (2)
Покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения (кол-во прожиточных минимумов**), ед. (в ср. по РФ)	4,3 (3,5)	3,6 (3,5)
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет*** (место в РФ)	65,76 (80)	62,11 (82)

* В скобках приведены средние значения для России или место округа среди российских регионов.

** Относительно величины прожиточного минимума, установленной на IV квартал 2013 г.

*** В среднем по РФ — 70, 76 лет.

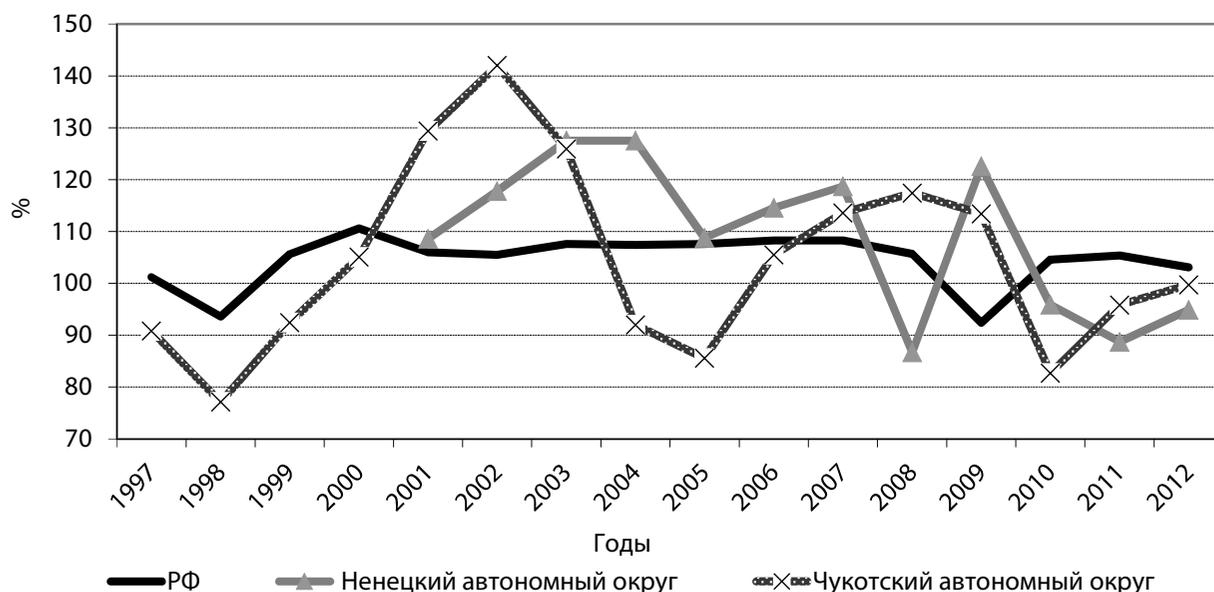

Рис. 1. Неустойчивая динамика индекса физического объема ВРП на арктических «островах»

домашних оленей: Чукотский автономный округ — 200 тыс. оленей, ненецкий — 176 тыс. (2013–2014 гг.), что можно трактовать как сходный размер традиционной экономики.

Рваный ритм экономической динамики обоих арктических островов хорошо демонстрирует высокая неустойчивость ежегодных колебаний индексов физического объема ВРП. Например, на арктических экономических «островах» Чукотского и Ненецкого автономных округов в последние полтора десятилетия были и годы сверхвысоких темпов экономического роста, и годы провального спада. Если сравнивать эти показатели, например, с динамикой российского ВВП, то она окажется существенно более выровненной, без такой экстремальной амплитудности (рис. 1, табл. 2).

Конечно, главная причина российской стабильности — это существенно больший размер экономики, на фоне которой арктические «острова» выглядят просто лилипутами. Но не только. Для ресурсо- и природозависимых арктических экономик, и в особенности арктических «островов», в принципе характерны значительные броски от средних значений.

В нашем дальнейшем сравнении Ненецкого и Чукотского автономных округов мы используем идею аляскинского экономиста Ли Хаски о трехсекторной природе арктической экономики [3], которая, в свою очередь, базируется на высказанной ранее концепции двойственной экономики Артура Льюиса: в развивающихся странах есть современный сектор (анклавные европейские индустриальные острова, платформы) и традиционный сек-

Таблица 2
Динамика индексов физического объема ВРП в постоянных ценах за 2001–2013 гг. (в процентах к предыдущему году)

Число лет	Темпы роста, %		
	Ненецкий АО	Чукотский АО	РФ
более 10	6	6	0
более 5	8	7	9
более 3	8	7	11
менее 100	5	5	1

тор аборигенных жителей. Современный сектор связан с городской жизнью, современной промышленностью, использованием продвинутых технологий. Традиционный сектор связан с сельской жизнью, сельским хозяйством, унаследованными институтами и технологиями, например, в виде общинной собственности на землю. В 1979 г. Артур Льюис получил Нобелевскую премию за свои работы в области экономического развития [4].

Модель трехсекторной экономики Арктики охватывает традиционную экономику исторически существовавших здесь видов деятельности, ориентированных на самообеспечение и внутренний рынок, анклавную экономику [5], в которой рыночный сектор добывающей промышленности связан с внешними рынками, трансфертную (государственную) экономику, тесно связанную с бюджетными трансфертами и дотациями от организованных государством перераспределительных механизмов, а не от рынков.

Каждая из этих экономик опирается на свои специфические формы интеграции хозяйствующих субъектов: традиционная — на принципы

взаимности (реципрокности, дарения и отдавания), рыночная — на рыночный обмен, трансфертная — на принципы постоянного перераспределения (редистрибуции). Все три сектора арктической экономики в пространствах Арктики могут существовать обособленно, но часто сосуществуют друг с другом, взаимодействуют на уровне отдельного домохозяйства, национального села или региона. Институты одного сектора испытывают воздействие, пронизаемы для институтов других секторов и нередко подвергаются метисации.

Одинаковое «островное» экономико-географическое положение двух арктических округов, сходство внешних количественных параметров экономического развития при более детальном рассмотрении вскрывают глубокие качественные различия между ними во всех секторах арктической экономики.

Традиционный сектор: роль ландшафтных и геополитических различий

С одной стороны, простота ландшафтной структуры Ненецкого автономного округа определяется абсолютно неискаженной зональной сменой тундр на тундролесье и тайгу при движении с севера на юг и плавными отграничивающими рубежами — на западе с Русской плитой, на востоке — с Уральской горной страной. Ландшафтные микрзоны Ненецкого автономного округа сменяются по пяти меридианным профилям:

1. Печорская:
 - тундровая;
 - лесотундровая.
2. Тиманская:
 - тундровая;
 - лесотундровая;
 - крайнесеверотаежная.
3. Канинская:
 - тундровая;
 - лесотундровая;
 - крайнесеверотаежная.
4. Вайгаческая тундровая.
5. Пайхойская тундровая.

В результате действия понятного зонального ритма и «размытых» рубежей, внутри ненецкого «острова» обособляются несколько относительно однородных по генезису (геологической истории), рельефу, почвенно-климатическим экосистемам малых ландшафтных провинций, границы между которыми очень неотчетливы. Эти провинции на протяжении веков были «кормящим ландшафтом» для крупностадного ненецкого оленеводства, узко специализированного и слабо комплексирую-

щего с традиционными промыслами (рыбным, охотничьим, пушным).

С другой стороны, в Чукотском автономном округе большую часть территории занимают не равнинные арктические тундры и тундролесье, а горные хребты (Анадырский, Анюйский и др.) и нагорья (Анадырское, Чукотское, Корякское и Анюйское). Оротографические факторы значительно усложняют ландшафтную структуру округа. Географическое расположение «берегом двух океанов» формирует условия для неустойчивого и очень динамичного взаимодействия различных климатических тенденций. Дихотомия «суша — море» в традиционном секторе нигде более в России не выражена так отчетливо, как в округе: длина береговой линии и площадь здесь максимальные среди арктических территорий страны.

Кроме того, площадь Чукотского АО в четыре раза превышает площадь Ненецкого АО, что объясняет исключительное ландшафтное разнообразие чукотских пространств (равнинные, горные ландшафты) по сравнению с ненецкими тундрами. Очень агрегированно внутри округа можно выделить четыре крупных и абсолютно различных ландшафтных блока.

Это арктический приморский тундровый район крупностадного оленеводства (имеющего аналогии с ненецким), с очень слабой связью систем оленеводства и пушного промысла собственно с морем, с традиционно мощными чукотскими кочевыми хозяйствами, их поздней коллективизацией и переводом на оседлость, по сути отсутствием стационарной системы сельского расселения. Лишь этот район можно считать до некоторой степени аналогом ненецких тундр.

Другой блок — это «внутренний» тундровый и отчасти тундролесный промыслово-олeneводческий район бассейна реки Анадырь (мало-стадное оленеводство, пушной, охотничий, рыбный промысел) с очагами молочного животноводства и овощеводства с чрезвычайно многовариантным и полиэтничным агропромысловым хозяйством коренных жителей и переселенцев.

Еще один блок — промыслово-олeneводческий район Восточной Чукотки, в котором сочетается промысел крупных морских млекопитающих и средне- (мало-) стадное (рискованное) оленеводство, отдельно абсолютно несамодостаточное, но экономически жизнеспособное лишь в тесной интеграции с традиционными промыслами.

Наконец, последний ландшафтный блок — это внутренний район «Омолон — Билибино»,

в котором среднестадное оленеводство исторически преимущественно транспортной направленности тесно интегрировано с традиционными промыслами богатых рыбой внутренних водоемов и охотой на дикого северного оленя и соболя.

Только в первом районе традиционное хозяйство специализировано на крупностадном оленеводстве, в остальных трех оно является комплексным, интегрирующим оленеводство и различные промыслы.

Зональная «размытость», слабая расчлененность ландшафтов ненецких тундр контрастирует с очень сильной (резкой) орографической дифференциацией чукотского пространства¹. На этот природный фактор накладываются фундаментальные различия геополитического положения двух округов: приграничное Чукотского и «внутреннее» — Ненецкого.

Интегральным результатом различий свойств пространств двух арктических «островов» стала разная эволюция в пространстве и времени традиционной экономики Чукотки и ненецких тундр, которая проявилась в особенностях сначала коллективизации в 1930–1950-х гг., а затем — процесса приватизации в 1990–2000-х г. Ненецкий национальный округ стал при поддержке Комитета Севера в 1930-е гг. своеобразным полигоном, на котором проходила «обкатка» всех нововведений по национально-территориальному районированию [6]. При этом здесь не было геополитической необходимости очень быстро «переводить на оседлость» вольных оленеводов. Поэтому здесь длительное время сохранялся «кулацкий» уклад крупностадного частного оленеводства, темпы коллективизации были исключительно медленными, подход — мягким. Об этом свидетельствует удивительный пример кочевой общины Ямб-то, абсолютно немислимый на Чукотке.

В период коллективизации зажиточные оленеводы-большеземельцы, а с ними и середняки бежали с оленями за Урал. Ненцы не позволили себя «коллективизировать» и продолжали вести традиционное частное оленеводство вплоть до начала 1990-х гг., когда ненецкая кочевая община Ямб-то была обнаружена, а ее деятельность стала «легальной». Быть невидимками на протяжении десятилетий удавалось и по причинам отсутствия контролирующих районных центров в Ненецком автономном округе.

¹ Смены ландшафтных зон всегда более размыты и видимы только на больших пространствах — по сравнению с очень четко «отбиваемыми» орографическими рубежами.

В Чукотском автономном округе близость эскимосских и чукотских береговых сел к поселениям аляскинских эскимосов в эпоху военного противостояния СССР и США побудили советское правительство очень быстро и жестко осуществить перевод на оседлость чукотских кочевников, по сути разрушив традиционный уклад оленеводства промыслов чукчей в ходе коллективизации, создать крупные коллективные, потом государственные агропромысловые хозяйства и крепкие контролирующие административные центры в быстро сформированных восьми районах Чукотки. Нигде более в российской Арктике не было такой глубины «совхозизации» традиционной экономики, как на Чукотке.

Неудивительно, что на приватизационном переломе 1990-х г. крупнейшее в мире чукотское поголовье домашних оленей в государственной собственности совхозов очень быстро сократилось в четыре-пять раз. После надлома коллективизации и последующей индустриальной экспансии оленеводства на Чукотке в попытке сделать его товарной отраслью повсеместно, не принимая во внимание естественные ландшафтные ограничения по кормовой базе и климатическим условиям, коллапс был неизбежен, но удивителен силой и быстротой обвала поголовья. Чукотское оленеводство снова, как до наступления коллективизации, оправданно сконцентрировалось в «товарной» зоне арктических тундр.

В других районах разрушились исторические и экономически очень важные связи берегового и тундрового населения. Оленеводство и морской промысел на Чукотке и в советское, и в досоветское время были прочно связаны друг с другом как равноправные партнерские виды деятельности, и эта связь играла исключительную роль в поддержании устойчивости уклада кочевников и оседлого населения. Она была прервана только на десятилетие жесткой коллективизации, но потом опять воссоздана в структурной оболочке колхозов и совхозов. Сейчас же продукция морского промысла в тундру практически не поступает, либо поступает с большими перебоями. Вероятно, эта связь будет постепенно воссоздана как внутри родовых общин, так и в результате традиционного обмена кочевых и оседлых жителей.

Важнейшая задача традиционного сектора арктических «островов» Ненецкого и Чукотского округов — обеспечить безопасность (прежде всего продовольственную) существования местных периферийных аборигенных

сообществ в национальных селах и кочевых стойбищах — в условиях сильной внешней экономической неопределенности, всегда присутствующей современной Арктике. Для устойчивого развития традиционной экономики (и оправданной модернизации технических средств, которые в ней используются) необходим источник денежного дохода, которым она сама не всегда располагает. Вот почему интеграция традиционного, в своей основе часто денежного, и денежных корпоративного и трансфертного секторов является необходимым фактором. С одной стороны, денежный доход используется на закупку инвентаря, необходимого для традиционных промыслов и оленеводства. С другой стороны, традиционное жизнеобеспечение может играть компенсаторную роль в периоды недостаточного денежного дохода и трудностей с завозом пищи.

С одной стороны, развитость корпоративного сектора Ненецкого АО по причинам недавнего начала пионерного нефтегазового освоения, компактность ненецких тундр по сравнению с чукотскими пространствами и товарный характер крупностадного ненецкого оленеводства определяют большую легкость интеграции традиционного сектора с корпоративным и трансфертным на уровне округа (через трансфертные перераспределения от «сильных» секторов к «слабым») по сравнению с Чукоткой. С другой стороны, в Чукотском АО мало ареалов товарного оленеводства, точно присутствуют горнорудные корпоративные структуры, и поэтому здесь более целесообразна интеграция традиционной и денежной экономики не на уровне округа, а на уровне национального села и отдельного домохозяйства — как сочетание в одной семье денежной и традиционной занятости по членам семьи, по времени (сезонам) работы, по календарному графику или интеграция в виде возможности внутри арктической микроэкономики отдельного национального села наладить продажу (обмен) продукции традиционных промыслов и оленеводства на инвентарь и снегоходы оленевода и промысловика.

Корпоративный (ресурсный, рыночный) сектор: роль различий рентной силы ключевого природного актива

Именно через ресурсный сектор отдаленные районы Арктики связываются с мировой экономикой и глобальными рынками ресурсов. Благоприятная мировая конъюнктура вызывает к жизни до этого «спящие» природные активы Арктики. Наоборот, обвал мировых цен

на важнейшие ресурсы отодвигает перспективы арктических мегапроектов в неопределенное будущее.

Именно ресурсный сектор, способный генерировать основной доход арктической экономики, определяет фундаментальное разделение всех арктических территорий на рентные и трансфертные экономики. Две эти модели значительно различаются по тону их развития, социально-экономическому поведению региональной власти и населения, жизненному уровню и миграционной интенсивности. Модель рентной экономики включает расчеты как возможных гарантий наиболее высокого уровня безопасности и защищенности человека, так и существенных рисков неустойчивости.

В рентной экономике основной доход формируется за счет добычи высококоротельного ресурса; затем этот сгенерированный доход либо обеспечивает обширные внутрирегиональные перераспределения всех основных финансовых ресурсов, либо в существенной степени отчуждается ресурсными компаниями и федеральными властями, которые затем возвращают изъятую часть ренты в виде инвестиций или денежных грантов. Корпоративный сектор в рентной модели получает максимальное развитие.

В трансфертной экономике ввиду малой рентабельности или значительной истощенности месторождений доходы от добытых природных ресурсов недостаточны, и основной доход формируется за счет поступающих в регион трансфертов из бюджетов вышестоящего уровня. В такой экономике доминируют традиционный и государственный секторы, а рыночный развит гораздо слабее ввиду действия традиционных для арктических территорий барьеров — малых рынков, высоких транспортных издержек, недостатка инвестиций и предпринимательской энергии людей и др.

Основные опасности рентной модели состоят в легкости соскальзывания в простое проедание чудом доставшегося богатства, в искушении построить развитие только на экспорте уникального ресурса при игнорировании других секторов экономики, развитие которых требует времени и вложений («голландская болезнь») [7].

Такую ситуацию можно контролировать при помощи достаточно сильных институтов, регулирующих процессы извлечения, транспортировки, продажи и распределения экономической ренты.

При справедливом распределении экономической ренты (сверхдохода от ресурса) необходимо соблюдать баланс интересов всех участвующих в экономике Арктики сторон: ресурсных компаний и корпораций, различных объединений коренных жителей, бюджетов региональной и центральной власти, природоохранных структур.

В этом случае достаточно качественно реализуются основные функции рентных платежей, такие как сбор доходов в региональный и федеральный бюджеты, влияние на сроки и темп отработки месторождения (что делает его устойчивей), возмещение государственных затрат (услуг) при геологоразведке месторождения и извлечении из него ресурса, возмещение утраты невозобновимых ресурсов (активов общества) для последующих поколений, различные платежи в бюджет региона за причиненный экологический ущерб.

Есть две схемы — прямая и косвенная — изъятия ренты в интересах арктических регионов, где она была исходно получена при добыче уникального ресурса. Прямая схема изъятия экономической ренты для арктических регионов наиболее привлекательна. Ее реализация возможна при ограничении прав региональной собственности, то есть контроля на природные ресурсы, что можно наблюдать, например, в штате Аляска.

Оба режима собственности, как чисто федеральной, так и совместной — центра и регионов, не могут обеспечить достаточно сильных прав на природный ресурс со стороны арктических регионов, и вот в этом случае можно реализовать непрямую перераспределительную схему, которая характерна для российской и канадской модели. В ней основной рентный доход первоначально получают корпорации и центральная власть, а потом часть его возвращается в территорию добычи. Как показывает опыт зарубежных арктических и северных регионов, в интересах стабилизации развития после истощения месторождения часть поступающей в регион ресурсной ренты может быть аккумулирована, например, в особом фонде будущего поколения, как это реализовано на Аляске [8].

Экономика Ненецкого автономного округа развивается в последние два десятилетия по рентной модели, а Чукотского — по трансфертной. Ключевую роль в развитии двух арктических «островов» по абсолютно разным моделям сыграли особенности свойств природных активов и стадий их эксплуатации. Активы углеводородов Ненецкого АО создают при до-

быче в полтора-два раза более высокую добавленную стоимость по сравнению с чукотским золотом¹.

Имеет значение и стадия жизненного цикла основных ресурсных месторождений. Пионерная стадия обычно характеризуется максимальной рентабельностью и быстрым ростом объемов добычи, соответственно, снижением удельных издержек. В то же время, на стадии истощения природных активов нарастают проблемы высоких производственных издержек в Арктике, высокой стоимости жизни и обустройства стационарных поселков и др.

Если сравнивать Ненецкий и Чукотский автономные округа, то легко обнаружить фундаментальные различия и в свойствах ключевого природного актива корпоративного сектора, и в стадиях его добычи (рис. 2).

Уже в XIX в. фактически был составлен первый, наиболее полный на тот период времени, социально-экономический обзор края (современная территория Ненецкого автономного округа), который был опубликован в работе «Научные наблюдения во время поездки в Печорский край» как результат научной геолого-географической экспедиции под руководством А.А. Кейзерлинга и П.И. Крузенштерна. Наряду с подробным гидрографическим описанием, в обзоре были собраны сведения о лесных и рыбных ресурсах, торговле местного населения, некоторых источниках минерального сырья и т. д. [9].

Но практически весь XX в. Ненецкий АО оставался агропромышленным по характеру своей деятельности и настойчиво сохранялся именно в таком качестве. Лишь в последние 25 лет здесь начался активный этап масштабного нефтегазопромышленного освоения. Экономический возраст базовой отрасли Ненецкого автономного округа еще совсем молодой, что проявляется в растущей динамике нефтедобычи, в присутствии крупных компаний и в высокой рентабельности главных ресурсных объектов освоения.

Что касается Чукотки, то ее вхождение в состав России в XVII в. способствовало развитию на этой территории домашнего оленеводства. С середины XIX в. здесь начинается, а затем все возрастает экспансия американских промышленников и торговцев. В начале XX в. чукчи и эксимосы находились на стадии родового строя, но под влиянием торговли с русскими и

¹ Валовая добавленная стоимость, создаваемая при добыче нефти и газа, — 69 коп/1 руб. продукции (ср. с золотом — 48 коп/1 руб.)

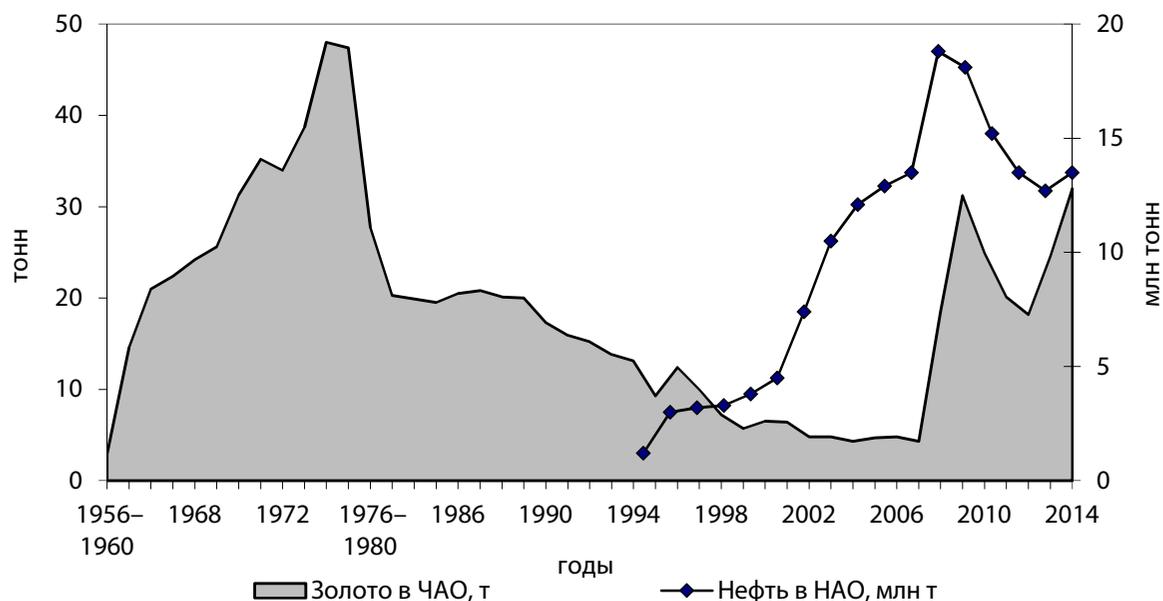

Рис. 2. Сопоставление объемов добычи корпоративным сектором экономики ЧАО и НАО

Сост. по данным: Государственного архива Магаданской области, Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года и др. (см. Государственный архив Магаданской области (ГАМО), ф. 264, оп. 1, д. 27, л. 45; Золотодобыча [Электронный ресурс]. URL: <http://zolitodb.ru/>; www.adm-nao.ru (дата обращения 5.04.2016); Арктический форпост [Электронный ресурс]. URL: http://mediator-rus.com/images/portfolio/reklama/NAO_Neftegaz_04.pdf (дата обращения 22.04.2016); Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года / Министерство экономического развития Мурманской области [Электронный ресурс]. URL: https://minec.gov-murman.ru/activities/strat_plan/arkticzone/ (дата обращения 10.05.2016); Neftegas.RU / НАО вышел в свет [Электронный ресурс]. URL: <http://neftegaz.ru/news/view/7775> (дата обращения 20.04.2016), а также [10–12]

американцами шел процесс имущественной и социальной дифференциации [13].

Активное пионерное хозяйственное освоение ЧАО в XX в. началось, в первую очередь, усилиями Главного управления Северным морским путем (ГУСМП) в 1930-е гг., масштабно — с открытием золота в 1960-е гг. На Чукотке золотодобывающая отрасль после полувека эксплуатации прошла стадию бурного роста и находится на этапе зрелости — после пиковых объемов добычи и резкого спада начался второй период роста и стабилизации объемов при переходе на рудные месторождения, стремление региона к диверсификации ресурсной базы [14, 15], что типично для старопромышленной территории.

Рождением золотодобывающей отрасли в Чукотском автономном округе можно считать открытие в начале 1960-х гг. богатых месторождений россыпного золота, для освоения которых были созданы крупные горно-обогачительные комбинаты. Пик добычи — более 36 т — был достигнут в 1974 г. с освоением уникального по запасам месторождения р. Рывеем. Потом объем добычи стал снижаться и до начала 1990-х г. держался на уровне 15–19 т. С истощением ресурсной базы россыпных месторождений на мелких объектах работали лишь

небольшие старательские артели, а уровень добычи стал составлять в начале нулевых годов менее 5 т. Это свидетельствовало о переходе отрасли к периоду зрелости, который обычно сопровождается в золотодобывающих регионах изменением акцента с россыпной на рудную добычу, что и произошло в ЧАО.

С 2000-х г. началось освоение золото-серебряного месторождения Купол канадской компанией «Кинросс Голд» (Kinross Gold) (дает около пятой части золота страны), затем Майское и Валунистое [16]. С 2008 г. впервые за 20 лет объем добычи превысил 20 т. Планируется возобновить добычу олова на крупнейших в России Пыркакайских штоковерковых месторождениях в Чаунском районе и наладить здесь же попутную добычу вольфрама, востребованного в связи с ростом потребления в Китае. Есть также план развития второй опорной зоны Чукотки в виде Баимской площади (медное месторождение Песчанка) в Билибинском районе (лицензия предоставлена ООО ГДК «Баимская»).

Промышленная добыча нефти на территории Ненецкого АО впервые начата в 1984 г., в рамках пробной эксплуатации на крупнейшем в округе Харьягинском нефтяном месторождении. В 1985 г. в пробную эксплуатацию

Сравнение показателей двух моделей арктической экономики*

Данные 2013 г.	Ненецкий АО (рентная экономика)	Чукотский АО (трансфертная экономика)
Общий ВРП, млрд руб.	171,8	47,0
Подушевой ВРП, млн руб.	4,0	0,9
Инвестиции, всего, млрд руб.	60,1	10,4
Добыча ПИ, млрд руб.	176,7	34,1
Доля добывающей отрасли в объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, %	98,0	75,5
Доля добывающей отрасли в объеме ВРП, %	71,0	35,2

* Таблица составлена на основании данных сборников «Регионы России», «Национальные счета в России в 2006–2013 гг. региональных приложений к сборникам «Промышленность России», «Малый бизнес России», «Труд и занятость в России», «Транспорт и связь в России» и др.

введено Песчаноозерское нефтегазоконденсатное месторождение на острове Колгуев, а в 1994 г. получена первая нефть на Ардалинском нефтяном месторождении. Перспективы отрасли связываются с дальнейшим освоением месторождений углеводородов, в частности с освоением группы месторождений «Северные территории» для формирования на севере Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции и шельфе арктических морей крупной нефтегазодобывающей базы экспортной ориентации¹. Извлекаемые запасы нефти, даже без учета шельфа, составляют 1,1 млрд т, запасы свободного газа — более 520 млрд кубометров².

Нефтегазодобыча НАО находится еще в стадии молодости: продолжается рост объемов, разрабатываются высокорентабельные месторождения, для их освоения пришли крупные российские компании — ОАО «Лукойл», «Роснефть», российско-американская компания «Полярное сияние», французская компания «Тоталь разведка разработка Россия», «Совместная компания „Русвьетпетро“», нефтяная компания «Альянс» и другие³ [17].

Ключевые различия рентной — ненецкой, и трансфертной — чукотской, моделей арктической экономики как результат различий в

типе основного природного актива и стадии его эксплуатации хорошо видны при сопоставлении статистических показателей двух округов (табл. 3). Ненецкий АО в четыре раза превосходит Чукотский по объемам валового регионального продукта, в пять раз по объемам добычи в стоимостном выражении, в шесть раз по величине инвестиций.

Трансфертный (государственный) сектор: власть и социальная сфера

Трансфертный сектор арктической экономики представлен бюджетной и социальной сферой, а также сферой услуг. Социальная сфера (образование, здравоохранение, культура) в экстремальных условиях Арктики выполняет принципиально иную функцию по сравнению с обжитыми районами России. Она формирует защитную среду проживания человека, смягчает (нейтрализует) действие жестких природных факторов. Так было в плановой модели освоения Севера, это сохранилось и в новых рыночных условиях.

Каждый из трех блоков социальной сферы Ненецкого и Чукотского автономных округов имеет свою отчетливую специфику, выпукло проявившуюся в период радикальной экономической трансформации. Здравоохранение следует признать наиболее элитарным как по квалификации «ядра» — врачей основных специализаций, по уровню оплаты среди коллег по бюджетному сектору, по степени капиталоемкости центральных районных больниц. По развитости здравоохранения позиции Ненецкого АО существенно хуже, чем Чукотского, что следует объяснить, прежде всего, кадровыми проблемами — обеспечить приемлемый уровень оснащения больницы и поликлиник в одном Нарьян-Маре много проще, чем во всех районных центрах Чукотки. А вот кадры врачей тра-

¹ Арктический форпост. [Электронный ресурс]. URL: http://mediator-rus.com/images/portfolio/reklama/NAO_Neftegaz_04.pdf (дата обращения 22.04.2016).

² Ненецкий автономный округ // Эксперт. 2014. № 34 (18–24 авг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://mediator-rus.com/images/portfolio/NAO-August-2014.pdf> (дата обращения 12.03.2016).

³ Ненецкий автономный округ [Электронный ресурс]. URL: www.adm-nao.ru (дата обращения 11.05.2016); Стратегия социально-экономического развития Ненецкого автономного округа на перспективу до 2030 года / Фонд Центр стратегических разработок «Северо-Запад». Нарьян-Мар. 2008–2009. 105 с.

диционно формировались в Архангельске, который исторически обслуживал и округ. Но на Чукотке ввиду ее удаленности от Магадана десятилетиями формировалась собственная медицинская служба.

В сфере образования Ненецкий АО имеет лучшие позиции на Севере и в Арктике, опережает по формальным показателям Чукотский. В сфере культуры его позиции средние, по развитости и использованию библиотек — лучшие.

Чем малолюднее поселение, тем универсальнее использование объектов социальной инфраструктуры — от «штатных» функциональных до клубных (встречи групп по интересам) и резервных убежищ (при наступлении частых форс-мажорных обстоятельств). В арктических селах наиболее часты взаимозамены в использовании одного бюджетного учреждения другим — например, передислокация школы в больницу после пожара, и легче происходит переток работников внутри бюджетного сектора.

Заключение

Традиционно в СССР Арктика и Север рассматривались совместно, при этом Север «поглощал» Арктику. Однако более детальный взгляд на феномен арктической экономики и ее сущностные особенности подтверждает ее

значительные особенности, отличающие ее от северной экономики.

Главная и фундаментальная особенность Арктики и ее экономики состоит в существенно более нестационарной, неопределенной природе, значительных рисках, пронизывающих все три сектора арктической экономики — традиционного, корпоративного и трансфертного. Для традиционного сектора неопределенность верифицируется в «скачках» погодовой динамики поголовья оленей, объемов добытых на традиционных промыслах, рыбы и морских млекопитающих. Для корпоративного сектора — в возможности на любой стадии резкого сворачивания работ под влиянием неблагоприятной мировой конъюнктуры и общего истощения запасов природного ресурса. Для трансфертного сектора неопределенность означает частоту ситуаций массового закрытия созданных за десятилетия десятков монопрофильных сел и поселков.

Внутри арктической экономики абсолютно четко обособляются территории «материковой» и «островной» Арктики. Островную модель арктической экономики на протяжении многих последних десятилетий реализуют Ненецкий и Чукотский автономные округа. Несмотря на множество сходных черт, на самом деле речь идет о двух различных моделях островной арктической экономики.

Благодарность

Исследование выполнено при частичной поддержке гранта «Экономические и экологические аспекты развития арктических регионов Дальнего Востока России» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН 44 П «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны РФ»).

Список источников

1. McBeath J., Berman M., Rosenberg J. (Eds.) The political economy of oil in Alaska: multinationals versus the state. — Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, 2008. — 278 p.
2. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. — М.: Наука, 1989. — 272 с.
3. Huskey L. Limits to growth: remote regions, remote institutions // The Annals of Regional Science, Western Regional Science Association. — 2006. — Vol. 40 (1). — Pp. 147–155.
4. Lewis A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // Manchester School of Economic and Social Studies. — 1954. — Vol. 22. — Pp. 139–191.
5. Phelps N., Atienza M., Arias M. Encore for the Enclave: The Changing Nature of the Industry Enclave with Illustrations from the Mining Industry in Chile // Economic Geography. — 2015. — Vol. 91. — April. № 2. — Pp. 119–146.
6. Ненецкий край. Сквозь вьюги лет. Очерки. Статьи. Документы // Ред.-сост. В. Ф. Толкачев. — Архангельск: Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2000. — 615 с.
7. Humphreys M., Sachs J., Stiglitz J. (Eds.) Escaping the Resource Curse // Revenue Watch Institute. — New York: Columbia University Press, 2007. — 408 p.
8. Rose D. Saving for the Future. My life and the Alaska Permanent Fund. — Toronto: Epicenter Press, 2008. — 256 p.
9. Юрченко В. В. История освоения и изучения Печорского края. С древнейших времён до 1928 года. — Ухта: УГТУ. — 2008. — 124 с.
10. Пилясов А. Н. Динамика промышленного производства в Магаданской области. 1932–1992 гг. Ч. 1. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1993. — 259 с.
11. Брайко В. Н., Иванов В. Н. Итоги работы золотодобывающей промышленности России в 2007 г. и ее перспективы на ближайшие годы // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. — 2008. — № 3. — С. 55–68.

12. Зеляк В. Г. Пять металлов Дальстроя. История горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30–50-х годах XX в. — Магадан : Кордис, 2004. — 283 с.
13. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. Н. Дикова, Т. В. Мальчиковой. — М. : Мысль, 1989. — 494 с.
14. Гальцева Н. В. Предпосылки и перспективы реструктуризации экономики Магаданской области. — М. : КомКнига, 2009. — 320 с.
15. Galtseva N., Pelyasov A. Northern Old Industrial Regions: Breaking the Path in Resource Development // Global Review. Spring 2014. Shanghai Institutes for International Studies. — Pp. 125–144.
16. Природные условия и ресурсы Чукотского полуострова / Железнов-Чукотский Н. К., Секретарева Н. А., Астахова Т. И., Жукова А. И. — М. : ГЕОС, 2005. — 503 с.
17. Илюмжинов В. Н. НАО. Ресурсы и будущее. Траектория нефтяного региона. — М. : ИНЭС, 2003. — 532 с.

Информация об авторах

Пилясов Александр Николаевич — доктор географических наук, профессор, директор Центра экономики Севера и Арктики, Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития России (Российская Федерация, 117997, Москва, Вавилова, 7; e-mail: pelyasov@mail.ru).

Гальцева Наталья Васильевна — доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН (Российская Федерация, 685000, г. Магадан, Портовая, 16; e-mail: galtseva@neisri.ru).

Атаманова Елена Александровна — кандидат экономических наук, ведущий экономист, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: elataman@mail.ru).

For citation: Pelyasov, A. N., Galtseva, N. V. & Atamanova, E. A (2017). Economy of the Arctic “Islands”: The Case of Nenets and Chukotka Autonomous Okrugs. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 13(1), 114–125.

A. N. Pelyasov^{a)}, N. V. Galtseva^{b)}, E. A. Atamanova^{c)}

^{a)} The Council for the Study of Production Forces of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation; e-mail: pelyasov@mail.ru)

^{b)} North-East Complex of Research Institute of the Far East Branch of RAS (Magadan, Russian Federation)

^{c)} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (, Ekaterinburg, Russian Federation)

Economy of the Arctic “Islands”: The Case of Nenets and Chukotka Autonomous Okrugs

The article discusses the economy of Arctic «islands». These territories of the Russian Arctic are unavailable by transport all the year round and have considerable specificity in comparison with the other regions of the Russian and North European Arctic. The authors consider the economy of Arctic «islands» on the example of the Nenets and Chukotka Autonomous Areas. Despite the significant similarity in the economic and social parameters, after careful study, two regions show considerable internal differences. In order to identify dissimilarity, in the comparative analysis, we use the theoretical idea of the Arctic economy as a unity of three sectors — the traditional one, corporate (market) one and transfer (state) one. Each sector has the key contradictions, structures and its trajectory of evolution. The comparison of traditional sectors reveals significant landscape diversity of Chukotka in comparison with the Nenets tundra. The corporate sector of the Nenets Autonomous Okrug economy is significantly younger than in Chukotka, due to the fact that oil and gas development is relatively new practice for the region. On the other hand, because of the mining development of Chukotka gold, which started in 1960-s, it can be considered as an old industrial region. The level of the profitability of gold production is significantly lower than of the Nenets oil production. Therefore, we propose to include the economy of the Nenets Autonomous Okrug to the rental model, and Chukotka economy to the transfer model. The difference of transfer sectors of two areas is the result of not only the difference in the power of the regional budgets, but also of the urban settlement structure which is centralized in the Nenets Autonomous Okrug and polycentric in Chukotka. It means that the public health and culture in the Nenets Autonomous Okrug are dated generally for the capital of Naryan-Mar, and social facilities in Chukotka are significantly decentralized and concentrated in Okrug's and regional centres.

Keywords: arctic economy, sector of economy, traditional economy, landscape, natural asset, space, sustainable development, structure of okrug, rental model, transfer model of economy

Acknowledgments

The research has been partly supported by the Grant «Economic and ecological aspects for the development of the Arctic regions of the Russian Far East» (The program of basic research of Presidium of RAS 44 P «Basic scientific research for the benefit of the development of the Arctic zone of the Russian Federation»).

References

1. McBeath, J., Berman, M. & Rosenberg, J. (Eds). (2008). *The political economy of oil in Alaska: multinationals versus the state*. Lynne Rienner Publishers. Boulder, Colorado. 278.
2. Krupnik, I. I. (1989). *Arkticheskaya etnoekologiya. In Russian [Arctic ethnoecology]*. Moscow. 272.
3. Huskey, L. (2006). Limits to growth: remote regions, remote institutions. *The Annals of Regional Science, Western Regional Science Association*, 40(1), 147–155.

4. Lewis, A. (1954). Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *Manchester School of Economic and Social Studies*, 22. 139–191.
5. Phelps, N., Atienza, M. & Arias, M. (2015, April). Encore for the Enclave: The Changing Nature of the Industry Enclave with Illustrations from the Mining Industry in Chile. *Economic Geography*, 91(2), 119–146.
6. Tolkachev, V. (Ed.). (2000). *Nenetskii kray: skvoz vyugi let. Ocherki. Statyi. Dokumenty. In Russian [Nenets region: blizzards through the years. Essays. Articles. Documents]*. Arkhangelsk: Pomor State University named after M. V. Lomonosov Publ., 615.
7. Humphreys, M., Sachs, J. & Stiglitz, J. (Eds.). (2007). *Escaping the Resource Curse*. Revenue Watch Institute. New York, Columbia University Press, 408.
8. Rose, D. (2008). *Saving for the Future. My life and the Alaska Permanent Fund*. Toronto: Epicenter Press, 256.
9. Yurchenko, V. V. (2008). *Istoriya osvoyeniya i izucheniya Pecherskogo kraya (s drevneishikh vremen do 1928)*. In Russian [History of the development and study of the Pechora region (from ancient times until 1928)]. Ukhta: UGTU Publ., 124.
10. Pelyasov, A. N. (1993). *Dinamika promyshlennogo proizvodstva v Magadanskoy oblasti. In Russian [Dynamics of industrial activity in Magadan Region]*. (1932–1992). Part 1. Magadan. 259.
11. Brayko, V. N. & Ivanov, V. N. (2008). Itogi raboty zolotodobyvayushey promishlennosti Rossii v 2007 godu i eyo perspektivy na blizhaishie gody. In Russian [Results of the mining activity in 2007 and it perspectives on the nearest years]. *Mineralnyye resursy Rossii. Ekonomika i upravlenie. [Mineral resources of Russia. Economy and management]*, 3, 55–68.
12. Zelyak, V. G. (2004). *Pyat metallov Dalstroya. In Russian [Five metals of Dalstroy]*. Magadan: Kordis Publ., 283.
13. Dikova, N. N. & Malchikova, T. V. (Eds.). (1989). *Istoriya Chukotki s drevneishikh vremen do nashikh dney. In Russian [History of Chukotka from the most ancient times to the present day]*. Moscow: Mysl Publ., 494.
14. Galtseva, N. V. (2009). *Predposylki i perspektivy restrukturizatsii ekonomiki Magadanskoy oblasti. In Russian [Preconditions and perspectives of the restructuring of the economy of Magadan Oblast]*. Moscow: Komkniga Publ., 320.
15. Galtseva, N. & Pelyasov, A. (2014). Northern Old Industrial Regions: Breaking the Path in Resource Development. *Global Review*. Shanghai Institutes for International Studies Publ., 125–144.
16. Zheleznov-Chukotskii, N. K., Sekretareva, N. A., Astakhova, T. I. & Zhukova, A. I. (2005). *Prirodnie usloviya i resursy Chukorskogo poluostrova. In Russian [Natural resources and conditions of Chukotka peninsula]*. Moscow: GEOS Publ., 503.
17. Ilyumzhinov, V. N. (2003). *NAO: resursy i buduchsheye. Trayektoriya neftyanogo regiona. In Russian [NAO. Resources and the future. Trajectory of the oil region]*. Moscow: INES Publ., 532

Authors

Alexander Nikolayevich Pelyasov — Doctor of Geography, Professor, Head of the Center of the Economy of the North and the Arctic, Council for the Study of Production Forces of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (7, Vavilova St., Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: pelyasov@mail.ru).

Natalya Vasilyevna Galtseva — Doctor of Economics, Associate Professor, Vice-Director, North-East Complex of Research Institute of the Far East Branch of RAS (16, Portovaya St., Magadan, 685000, Russian Federation; e-mail: galtseva@neisri.ru).

Elena Aleksandrovna Atamanova — PhD in Economics, Leading Economist, Institute of Economics of UB RAS (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: elataman@mail.ru).